

УДК 821.161.1(09)Пелевин
doi 10.17072/2073-6681-2022-4-94-105

Джойсовская традиция романа В. Пелевина «Empire “V”»: от антисциентизма к изобретению нового персонажа

Юлия Николаевна Мыслина

аспирант кафедры русской и зарубежной филологии

Владимирский государственный университет им. А. Г. и Н. Г. Столетовых

600000, Россия, г. Владимир, ул. Горького, 87. yulia_mislina@mail.ru

SPIN-код: 2275-9948

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-5561-1859>

ResearcherID: GLN-4533-2022

Статья поступила в редакцию 14.06.2022

Одобрена после рецензирования 10.10.2022

Принята к публикации 03.11.2022

Информация для цитирования

Мыслина Ю. Н. Джойсовская традиция романа В. Пелевина «Empire “V”»: от антисциентизма к изобретению нового персонажа // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. 2022. Т. 14, вып. 4. С. 94–105. doi 10.17072/2073-6681-2022-4-94-105

Аннотация. В статье исследуется способ преобразования джойсовского отстраненного отношения к прогрессу в романе «Улисс» в пародийно-комический антисциентизм романа В. Пелевина «Empire “V”», где современный автор уже не просто отказывает в возможности позитивного вывода онтологии как науке, но и сводит ее миссию только к разрушению реальности и возвращению к изначальной сущности. Доказывается, что джойсовские принципы расщепления сознания субъекта научного познания воспроизводятся Пелевиным в представлении размноженного до бесконечности сознания субъекта, порождающего субъективно-множественную реальность – как итог – гипертекст. Вследствие этого джойсовское гипостазирование моментов научной достоверности у Пелевина развивается в самостоятельные и независимые субъекты действительности – персонажи нового типа, сталкивающиеся с проблемой их реального / возможного существования в субъективно-множественной реальности. Поэтому интерпретация этих новых персонажей становится возможной только в границах субъект-объектной антиномии, поскольку художественная литература исходит из субъект-объектных отношений. Цель работы – определить влияние джойсовского принципа расщепления субъективного сознания в романе «Улисс» на создание В. Пелевиным персонажей и способов высказывания нового типа в романе «Empire “V”». Предмет изучения – особенности создания персонажей нового типа как инструмента организации художественного высказывания в романе Пелевина «Empire “V”». Научная новизна исследования заключается в том, что впервые доказывается, что художественный прием, отражающий специфику расщепленного сознания героев романа Пелевина «Empire “V”», напрямую развивает джойсовскую эпистемологическую традицию кризиса субъекта научного познания, но только уже в эпоху weigd-философии. Основные методы исследования: компаративный, историко-культурная контекстуализация и дискурс-анализ.

Ключевые слова: Дж. Джойс; В. Пелевин; субъект научного познания; антисциентизм; субъективно-множественная реальность; гипостазированные элементы; гипертекст.

Постмодернизм как понятие, обозначающее широкое течение в западной культуре, появился в конце 1960-х гг. и быстро распространился на все сферы действия и способы осмысления искусства. В Советском Союзе в 1970-е гг. полити-

ческая обстановка кризиса «утопических идеологий» и «исчезновения реальности» [Липовецкий 2006: 53] привела общество к «Состоянию постмодерна» (см. подробнее: [Ж.-Ф. Лиотар 1998]), что нашло свое отражение и в литературе

(А. Битов, В. Ерофеев, Саша Соколов, в ряде аспектов И. Бродский и др.). Как ни парадоксально, но тяга русских постмодернистов к высокому модернизму («стремление “вернуться” в “Серебряный век”») [Липовецкий 2006: 55]) оказалась сильнее вовлеченности в постмодернистские интеллектуальные практики с их критикой существующей идеологии («Постмодернизм намеренно разрушает любые мифологии, понимая их как идеологическую основу власти над сознанием, навязывающей ему единую, абсолютную и строго иерархическую модель истины, вечности, свободы и счастья») [Липовецкий 2006: 55]). Поэтому русский постмодернизм в 1990-х гг. в своем стремлении возобновить отношения с мировой литературой XX в. выбрал в качестве ориентиров классиков модернизма (Х. Л. Борхес, В. Набоков, М. Пруст, Дж. Джойс и др.), которые переизобрели реальность, выведя на первый план постановку новых мировоззренческих вопросов и новое понимание самой функции языка (набоковское понимание языковой игры стало одним из предвестий постмодернизма (см. подробнее: [Липовецкий 1997])).

В сентябре 1920 г. Дж. Джойс писал К. Лигати: «Мое намерение состоит не только в том, чтобы передать миф *sub specie temporis nostri*, но также и в том, чтобы позволить каждому приключению (то есть каждому часу, каждому органу, каждому искусству быть взаимосоединенными и взаимосвязанными в соматическую схему целого) обуславливать и даже создавать собственную технику. Каждое приключение – это, так сказать, одна личность, хотя оно и состоит из личностей – как Фома Аквинский рассказывает о небесных воинствах» [Eilmann 1972: Предисловие xvii]. Джойс хотел создать «некое тотальное произведение», «чьим предметом будет не субъективность поэта, уединившегося в башне из слоновой кости, а человеческое общество, и в то же время – реальность истории и культуры» [Эко: эл. ресурс]. У Джойса каждый элемент бытия, вплетенный в общую структуру, рождает новую структуру, изменяя и саму структуру (космос), и сам механизм ее постижения.

По убеждению М. Липовецкого, постмодернизм должен «преодолеть фундаментальную для культуры антитезу хаоса и космоса...» [Липовецкий 2006: 56], поэтому джойсовское создание «тотального произведения», «произведения-космоса» становится одним из способов преодоления антитезы (паралогии) хаос/космос в современном русском постмодернизме.

Для дальнейшей нашей аргументации обратимся к анализу В. Курицына статьи Л. Фидлера «Пересекайте границы, засыпайте рвы», посвя-

щенной постмодернистской художественной литературе. В статье Фидлера современный филолог выделяет три основные позиции: «“стирание границ” между “массовостью” и “элитарностью”» [Курицын 2000: 11], «...уничтожение рвов и границ не только между массовым и элитарным, но и между чудесным и вероятным. Переход от отношений между автором и текстом к отношению между субъектом и миром» [там же], где сам художник именуется «“двойным агентом”» [там же]. Также в концепции Фидлера Курицын делает акцент: на «множественности миров», «виртуальности реальности» и «неразличении “эстетического” и “метафизического”» [там же], – что свойственно текстовым реальностям современного постмодернизма, в том числе и текстам Пелевина, чье творчество ведущие литературные критики (В. Курицын, М. Липовецкий, И. Кукулин) относят к постмодернистскому.

Исходя из такого динамического восприятия Джойса в русском постмодернизме как инстанции стирания границ между понятиями и преодоления однозначностей одним из основных методологических трудов для нашей работы становится исследование Хосе Вергары «Все будущее уходит в прошлое: Джеймс Джойс в русской литературе» (2021), в котором автор изучает влияние поэтики Джойса на русских авторов на протяжении последних ста лет (от Вс. Вишневского до М. Шишкина и В. Пелевина). Вергара называет Пелевина «самым многообещающим и неоднозначным писателем России», и, хотя американский исследователь приводит Пелевина в качестве «контрпримера» Шишкину как каноничному последователю Джойса, в его труде мы находим больше доказательств рецепции техник и приемов ирландского писателя Пелевиным, нежели утверждает сам Вергара. Американский исследователь, упрекая Пелевина в неразборчивости и повторении расхожих актуальных мотивов (вампиры, наркотики, альтернативные миры), приводит пример прочтения Джойса героями «Священной книги оборотня»:

«– Хм... Вообще-то да. А что тогда литература?»

– Ну, например, Марсель Пруст. Или Джеймс Джойс...

– Да его же не читает никто, “Улисса”. Три человека прочли и потом всю жизнь с этого живут – статьи пишут, на конференции ездят. А больше никто и не осилил» (Пелевин 2004: эл. ресурс).

Вергара предполагает, что Пелевин скорее солидаризируется с героями: для него Джойс стал предметом конференций, высокой культуры, а значит, не отвечает принципам постмодернизма со стиранием границы между высокой и низкой

культурой: «Больше подставное лицо модернизма, чем действительно широко читаемый и уважаемый автор, Джойс, по словам Александра, символизирует тупик. Избранной горстке удается пройти по его романам, опубликовать некоторые статьи о них и таким образом “жить” за счет него, а остальные не могут даже закончить “Улисса”, не говоря уже о том, чтобы осмыслить его многослойность. Его значимость просто преувеличена. Взгляд Пелевина на Джойса определяет ирландскому писателю роль, которую ему часто приписывают, – роль нечитаемого высоко-го модерниста» [Vergara 2021: 141–142]. Но разве Пелевин говорит устами своих героев? Ведь Вергара признает интертекстуальность романов Пелевина, в которых русский писатель «стирает границы между сакральным и профанным, игнорируя при этом те же самые тенденции в творчестве Джойса» [там же: 142], а значит, подхватывает поневоле игровые, а не академические импликации в правилах письма Джойса.

Вместе с тем для квалификации пелевинской рецепции джойсовских техник недостаточно только сопоставлять позиции и высказывания героев, общей рамкой также является эпистемологический кризис, которому принадлежат оба писателя (здесь под эпистемологическим кризисом мы понимаем изменение модели познания: от сознания как основы философии XIX в. к критике «психологизма» и новой функции языка, языка, становящегося объектом познания в его довлеющем значении над субъективным сознанием (см. подробнее: [Витгенштейн 1994]). Хотя эти кризисы разные у обоих писателей: у Джойса – «языковая революция» начала XX в.; у Пелевина – кризис «соцреализма» и постмодернистский поворот конца XX в., – их результатом становится разрушение жанровых условностей, вывод на первый план экспериментов с языком.

Мы в своем исследовании попытаемся определить не только предпосылки, но и степень усвоения Пелевиным джойсовского принципа расщепления субъективного сознания (под джойсовским принципом расщепления сознания мы понимаем новые принципы письма ирландского автора, ведущие «...к аналитическому, расчленяющему представлению человека. Присущая прежней литературе “скульптурная” модель человека (“героя”) как объемной фигуры, как цельного характера фатально распадается и исчезает. С героем происходит истончение и рассечение, разложение на множество проекций и архетипов, которые получают независимую разработку и живут собственной жизнью» [Хоружий 2015: 178]). По выводам С. С. Хоружего: «В “Цирцею” все аспекты блумовой личности отделяются и

гипостазируются, становясь самостоятельными субъектами: Блум-мальчик, Блум-бабник, Блум-деятель, Блум-преступник... вплоть до “Блумумии” [там же] (здесь гипостазирование понимается как обретение отвлеченными понятиями (качествами) самостоятельного существования). Джойсовское гипостазирование элементов единого субъекта научного познания – это один из первых этапов его антропологии, носящей «резко редуционистский уклон» и ведущей, в конечном счете, к «обобщению», «универсализации» и «деперсонизации» человека [там же: 179].

Для выявления путей и методов усвоения Пелевиным джойсовского способа представить расщепление субъективного сознания мы привлекаем понятия из истории философии, которые служат наиболее надежными ключами к пониманию того, как переживание катастрофы и непредсказуемости стало и условием восприятия современности, и условием понимания художественных новаций в романе. Сначала мы рассмотрим кризис понятия субъекта и его значимость для определения знания субъекта как надежного. Далее мы исследуем, как уже признанный в философии кризис субъекта привел к трансформации способов изложения, способов представлять знание, а значит, изменил и отношение романного вымысла и действительности. Наконец, мы рассмотрим, как были созданы концепции выхода из кризиса как сознания, так и выражения, и проанализируем продуктивность этих концепций для обновления формы романа, выделив из них те, которые связывают Джойса и Пелевина.

Проблематизация кризиса субъект-объектных отношений берет свое начало еще в европейской эпистемологической философской мысли XIX в. Немецкий философ Ф. Ницше выступал критиком бытующей в XIX в. метафизической трансценденции, «убив» Бога, он утвердил новую форму бытия как мира явлений, мира становлений. В мире Ницше реальность деонтологизирована, а связь человека с незыблемыми парадигмами бытия мыслится не через привычные порядки субъект-объектных отношений, которые Ницше считал внушенными грамматикой и бытовыми привычками, а через его волю и власть, которая всякий раз должна подвергаться спонтанной критике: «Прясть дальше всю нить жизни, и притом так, чтобы нить делалась все прочнее, – вот истинная задача» [Ницше 2005: 367]. Ницше утверждал, что главная ценность человека и заключается в его способности оценивать, иначе говоря, выносить суждение независимо от прежних структур мышления, что и делает его точкой отсчета и мерилем всех ценностей.

По мнению Джозефа Фелла, «задача Ницше – это задача великой культурной переоценки» [Fell 1979: 15], переоценки прежних привычек философского мышления, которые Ницше считал лишь прикрытием для властолюбия или обывательского разума.

Но вопрос о кризисе субъекта был поставлен еще раньше в предэкзистенциальной традиции. С. Кьеркегор, в противоположность системам немецкого идеализма (И. Г. Фихте, Ф. В. Й. Шеллинг, Г. В. Ф. Гегель), утверждавшим, что из позиции субъекта («Я» Фихте, «Мировой дух» Гегеля) может быть выведена вся философия, говорил, что на самом деле сам субъект оказывается лишь моментом становления, уникальным аспектом поиска недостижимой истины. «Как только бытие истины становится эмпирически конкретным, сама истина вступает в процесс становления и в свою очередь становится – по умолчанию – согласованностью между мышлением и бытием» [Кьеркегор 2012: 187]. Поэтому «объективное» знание не доступно человеку (только Богу как завершеному субъекту), но человеку экзистирующему все же доступна истина в виде моментального этического и религиозного знания, которое должно помочь ему осознать, что главная задача для него – это задача жить.

К концу XIX в. стал очевиден «кризис наук», разрыв между действительным содержанием жизни человека и программами познания в отдельных науках. Далее попытки выхода из кризиса представления о едином субъекте познания были предприняты представителями марбургской школы неокантианства (Г. Коген, П. Наттори, Э. Кассирер). Внимание было смещено с программ познания на собственную сущность познания, которое и диктует человеку условия своего осуществления: «...вопрос, что убеждает познание в его объективной значимости, в его отношении к предмету, должен быть решен на почве самого познания, получить ответ в ясном свете разума при признании его условий и границ» [Кассирер 1977: 114–115]. Поэтому человеческое познание всегда находится в состоянии постоянной незавершенности: с одной стороны, наше «объективное» знание весьма ограничено, следовательно, неистинно, а с другой – объект познания – продукт творческой деятельности нашего мышления, получающий материал из «первоисточника», таким образом, познание оказывается своеобразной практикой себя, способом для субъекта завершить себя в ответ на вызов бытия. Таким образом философия неокантианцев стала основой зарождения и развития феноменологии (Ф. Brentano, Э. Husserl), с развитием

которой проблема кризиса субъекта научного познания вышла на новый уровень.

До исследований Brentano в философии главенствовала мысль об «ощущающем» (элементарные частицы сознания – это дубликаты ощущений) свойстве сознания, но в труде «Психология с эмпирической точки зрения» (1874) философ показал, что психические акты не равны актам восприятия, так как психический феномен имеет интенциональную природу (хотя равнозначность обоих актов для познающего субъекта не отрицалась). Тем самым позиция субъекта не может быть сведена к осуществлению некоторого объективирующего познания, но сама представляет собой некую установку, которая и проблематизируется философией.

Гуссерль, в отличие от Brentano, признающего материальность психической деятельности человека, утверждал, что интенциональность как смыслопорождающий акт сознания может существовать и без объекта познания, поэтому причинно-следственная связь между «объективным» физическим бытием и бытием «субъективным» «противомысленна» [Гуссерль 1999: 119]. В представлении Гуссерля: «...трансцендентность физической вещи – это трансцендентность конституирующегося в сознании и связанного с сознанием бытия...» [там же]. Другими словами, для Гуссерля, в отличие от Brentano и неокантианцев, философия ставит под вопрос и подвергает критическому пересмотру не только привычную систему научного знания, но и привычное понимание бытия, что также способствует проблематизации отношений между внутренней речью и художественной речью.

При этом в ряде философских программ начала XX в. предпринимались попытки найти тот остаток опыта, ту неотменяемую его часть, которая и позволяет говорить о реальности бытия, во всяком случае, как конституирующего наше сознание. Французский философ А. Бергсон представил новый способ перцепции бытия – длительность: «...есть форма, которую принимает последовательность наших состояний сознания, когда наше я просто живет...» [Бергсон 1992: 93]. Понятие длительности Бергсона находит свое воплощение и в эстетических сферах, например, в литературе – выражаясь в художественном приеме потока сознания; в живописи, где оно стало решающим для отказа от прямой репрезентации в пользу переживания времени как напрямую связанного с достоверностью внутреннего опыта: «...от “растянутого момента” перехода состояний в живописи импрессионистов – до особенной темпоральности пространственно-временного становления в кубиз-

ме...» [Духан 2009: 189]. Такая «длительность», соотносящая внутренний опыт достоверности нашего знания и данное в ощущениях бытие человека во времени, затрагивает и литературную жизнь конца XIX в., которая представляла собой «переходы и брожения» (Б. Л. Пастернак). Пастернак обозначал, что символисты «...писали мазками и точками, намеками и полутонами не потому, что так им хотелось и что они были символистами. Символистом была действительность...» [Пастернак 1990: 543].

Но «переходы и брожения» в реальности конца XIX – начале XX в. происходили не только в литературе, они коснулись и других сфер науки и искусства. Итог всех этих смещений подвел французский историк науки Г. Башляр, для которого процессы в искусстве модернизма, новой науке XX в. (теория относительности) и новом ощущении действительности (катастрофические переживания, вызванные мировыми войнами) были частью одной большой смены парадигм. Башляр выдвинул идею «эпистемологического разрыва» – научный термин концепции развития науки, – при котором научное знание представляет собой не объективное отражение окружающего мира в непрерывном его накоплении, а ряд «взрывов», революционных сломов в понимании мира. По убеждению Башляра: «В ходе прогресса научного духа всегда проявляется разрыв между научным познанием и обыденным сознанием» [Башляр 2000: 369], который и порождает новый способ познания, совершенствующийся в диалектическом контакте с предметами познания, трансформированными человеческой активностью.

Продолжателями принципа эпистемологического сомнения в проектировании «объективной» реальности, признававшими приоритет «эпистемологического разрыва» над способами конструирования субъекта познания, в англоязычной традиции были К. Поппер, Т. Кун; во франкоязычной – Ж. Делёз, М. Фуко, Л. Альтюссер, Ж. Деррида. Постмодернизм второй половины XX – начала XXI в., заявивший о смерти прежнего субъекта, субъекта, сконструированного привычками старых наук, принципиально отказывается от создания онтологии, по мнению Деррида, бытие мыслится как «трансцендентальное означаемое», как гиперреальность, как гипертекст. «Превращение культуры в текст – самое значительное событие, происходящее в ситуации постмодерна» [Уваров 1997: 21], поэтому познание мира становится познанием текста, вмещающим в себя всю культуру, язык, социальные отношения и т. д. и содержащим в себе «разрывы», то есть различия и расхождения

между выражением и содержанием, позволяющие осмыслить тот самый эпистемологический разрыв.

Наконец, новый угол зрения на проблему кризиса субъекта научного познания с попыткой осмыслить философское наследие XX в. в постиндустриальную кибернетическую эпоху XXI в. утверждает *weird*-философия. Термин *weird* – «причудливый, темный, сверхъестественный» – не имеет общепринятого перевода на русский язык. В работе “Old and New Weird” Б. Нойс и Т. С. Мерфи приводят краткую историю понятия *weird*, начиная от «поздневикторианского» и до New Weird (*The New Weird* – термин, введенный М. Дж. Харрисоном в 2003 г. [Noys, Murphy 2016: 118]), которое «...принимает более радикальную политику, рассматривая чужое, гибридное и хаотичное как подрывную деятельность различных форм нормализации власти и субъективности» [там же: 125]. Основными представителями направления являются наши современники: Г. Харман, Ю. Такер, Т. Мортон, Р. Негарестани, Д. Харауэй, К. Мейяссу и др.

По выводам современного американского писателя М. Сиско: «*weird-fiction* – это способ написания художественной литературы, который возникает из-за внутреннего различия религиозного, морализаторского и/или определенного рода философствования художественной литературы, когда создание причудливого становится самоцелью, а не средством для достижения цели (обычно это приводит к большему благочестию, большему послушанию и т. д.)» [Cisco 2021: эл. ресурс]. Основными представителями этого направления для Сиско являются: Генри Джеймс «Поворот винта», Уильям Хоуп Ходжсон «Невидимая вещь», Джеральд Буллетт «Улица глаза». В этих произведениях взаимодействуют два основных понятия – это странность и судьба, которые и порождают новый сверхъестественный мир, становящийся сродни виртуальному. «Странность» становится вызовом реальности и целостности мира, поэтому, когда с ней сталкивается человек, «она» отделяет его от привычного мира и становится его судьбой, меняя персонажа кардинально. Таким образом, «...странная история действует на читателя не как иллюстрация знакомого религиозного или метафизического представления о жизни или мире, а, скорее, как шокирующий отход от привычности как таковой» [там же].

Исходя из такого понимания странного как гносеологически продуктивного, американский философ Бен Вудард интерпретирует появление литературы *weird-fiction* как новый способ постижения основ реальности. В своих исследованиях он отверг весь категориальный аппарат

Канта с защищающими мир от безумия всевозможными «границами» и предложил в качестве инструмента познания работу с текстом, где текст и представляет собой это «Великое Внешнее» по отношению к читателю, так как он находится «за границей», «извне».

В данном философском направлении постановка субъекта речи под вопрос достигает кульминации. Г. Харман интерпретировал творчество Г. Ф. Лавкрафта с позиции философии «зазоров» (что нам представляется одним, на самом деле может быть двояким и наоборот). Поэтому, например, дух идола Ктулху («Зов Ктулху» Лавкрафта) должен восприниматься как аллюзия на реальный объект: «В этом отношении Ктулху ничем не отличается от молотка, стула, атома или человека» [Харман 2020: 221]. Здесь непредсказуемость бытия ставит под вопрос и статус субъекта, и привычные результаты познания, требуя постигать не столько закономерное, сколько непредсказуемое, «контингентное» (К. Мейяессу).

В своем исследовании мы выделим следующие основные тезисы weird-философии XXI в.

1. Человек не обладает монополией на то, чтобы быть разумным существом на Земле: разумом могут обладать животные, стихии, вещи, закономерности, фантастические существа и фантомы воображения.

2. Разумное поведение еще не является предсказуемым поведением: наоборот, разумное поведение может включать в себя сломы, разрывы, «контингентное», и поэтому может быть псевдо-разумное поведение, не отличающееся от поведения фантастических существ, в том числе вампиров.

3. Weird, причудливое, следует из того, что мы никогда до конца не знаем степень разумности другого существа и дальнейшее поведение, поэтому вампир как сверхъестественное агрессивное существо в попытке поглотить все тело и кровь своей жертвы, оказывается не просто героем отдельных сюжетов, но и символом потребительского поведения вообще.

Серия произведений Пелевина, посвященных вампирам («Empire V» (2006), «Бэтман Аполло» (2013)), вполне соответствует weird-философии не только развитием сюжетных линий, но и постановкой под вопрос объективной реальности, самих процедур познания и «шокирующим отходом от привычности как таковой». При этом данная философия в ее художественном представлении смыкается с антисциентизмом. Антисциентизм – это философско-мировоззренческая позиция, представляющая собой негативное и отстраненное отношение человека к прогрессу и науке. Обсуждая влияние джойсовского антис-

циентизма на роман Пелевина «Empire “V”», мы опираемся на монографию С. Ф. Денисова «Антисциентизм: конфликтность и негативность», в которой автор выделяет «три вида антисциентизма: иронический, пророческий и нигилистический» (см. подробнее: [Денисов 2013]).

Исходя из философского контекста тех реформ художественного изложения, которые предприняли Джойс и Пелевин, для установления того, как именно конфигурация речи и вымысла у Джойса могла определить установки Пелевина, мы ставим следующие задачи:

1) показать, исходя из квалификаций антисциентизма Денисова, каким образом джойсовское отстраненное отношение к прогрессу и науке в романе «Улисс» трансформируется в комический антисциентизм романа Пелевина «Empire “V”»;

2) доказать, что антисциентизм романа «Empire “V”» представляет собой переосмысленное современным автором экзистенциально-онтологическое мировоззрение Джойса;

3) показать, как джойсовская техника расщепления субъекта познания превращается во множественно-сборную личность субъективно-множественной реальности в романе Пелевина «Empire “V”»;

4) на материале романа «Empire “V”» доказать, что пелевинские вампиры суть переосмысленные джойсовские гипостазированные элементы единого субъекта научного познания, только с учетом weird-философии.

Иронический антисциентизм свойствен модернистско-постмодернистской эстетике текстов Джойса и Пелевина – само представление авторами отношения героев к науке и знанию показано в пародийно-комическом ключе. Поэтому такой важный для каждого человека процесс, как обучение, буквально «вывернут наизнанку», например, Бык Маллиган хочет обучить Стивена греческому пониманию красоты: «– Как верно названо море у Элджи: седая снежная мать! Сопливо-зеленое море. Яйцещемящее море. Эпи ойнопа понтон. Ах, эти греки, Дедал. Надо мне тебя обучить» (Джойс, 9). Здесь Джойс ставит вопрос отношения художника и искусства, рефлексии художника не только по поводу искусства вообще, но и по поводу своего собственного творчества. Поэтому у Джойса субъект познания превращается из творца, работающего с первозданной природой, в человека, работающего со всем вторичным, с «художеством по поводу другого художества» – шире – с текстом и гипертекстом.

В романе «Empire “V”» «...обучение заключается в том, что вампир кусает ученика» (Пелевин 2021, 13), – здесь укус представлен как транс-

грессия, как переход границы возможного и невозможного (как эффект «эпифании» у Джойса), но только превращающий человека в вампира и переносящий его из мира живых в мир мертвых, из мира «объективной» реальности в мир симуляционного бытия, обращая в копию, в симулякр. Поэтому субъект познания у Джойса и Пелевина, отказывая науке в существовании, утверждает никчемность «ясного» сознания и невозможность познания «объективной» реальности ввиду отсутствия ее как «реального» объекта (также примеры иронического антисциентизма представлены в романе «Улисс» на с. 41: «история... это кошмар, от которого я пытаюсь проснуться», на с. 48: «... припомни свои эпифании...», с. 50: «Ты собирался творить чудеса...», в романе «Empire “V”» на с. 124: «“Искусство боя и любви”», на с. 125: «Секрет живучести самого живучего человека...», с. 126: «Боевое искусство вампиров предельно аморально...»).

Пророческая форма антисциентизма представляет собой образ «Врага» (см. подробнее: [Денисов 2013]), поэтому будущее может быть окрашено только в черные тона. В «Улиссе» Стивен, размышляя о судьбе «англичанки и итальянки» (Британской империи (англиканской церкви) и Римской апостольской церкви) приходит к мысли, что в итоге всех ожидает только пустота: «Орды ересей в скособоченных митрах разбегаются наук... Неизбежная пустота ожидает их, всех...» (Джойс, 26), – в этом эпизоде юный художник отрицает служение как Британской империи, так и Римской церкви, которые, по убеждению Р. Элмманна, символизируют «тело и душу» [Ellmann 1972: 11]. Поведение Стивена представляет собой сплошные отказы (отказ молиться за мать, отказ служить «англичанке и итальянке», даже отказ купаться с Маллиганом), что в целом являет собой отказ от духовного и физического очищения, выступая одной из форм негативизма субъекта познания.

В романе Пелевина «Empire “V”» пророчество может начаться только после укуса вампира: «– Ты вспомнишь всю свою жизнь. Язык будет знакомиться с твоим прошлым...» (Пелевин 2021, 13), – здесь укус как новый этап кризиса субъекта научного познания (укус как «великая культурная переоценка» [Fell 1979: 15]), так как, с одной стороны, он открывает иные способы получения информации (через кровь укушенных), а с другой – закрывает путь к классической науке и философии как устаревшим методам познания окружающей реальности.

Третьим видом антисциентизма является нигилистический (по уточнению Денисова, кинический – отвергающий абстрактные идеи, направ-

ленный на изучение внутреннего мира человека, см. подробнее [Денисов]). В романе «Улисс» мнение Стивена о Гамлете обозначил Маллиган: «– Мы уже переросли Уайльда и парадоксы... Он с помощью алгебры доказывает, что внук Гамлета – дедушка Шекспира, а сам он призрак собственного отца» (Джойс, 23), – упомянутый О. Уайльд как представитель модернизма отказывал современной ему реальности в первозданности (в «Улиссе» есть слово “shopsoiled” – «замусоленный в лавке»). Поэтому в опошленном мире лучшим способом выживания становится философия киников, нашедшая свое иронико-патетическое преломление в трудах Ницше о появлении «сверхчеловека», пародийная версия которого озвучена Маллиганом: «У меня нет двенадцатого ребра... Я Uebermensch (сверхчеловек)» (Джойс, 28).

В романе «Empire “V”» нигилистический вид антисциентизма представлен крайней формой отказа человеку в попытках повлиять на свою жизнь, так как «... всеми нами управляет судьба» (Пелевин 2021, 13), – здесь единственный выход для субъекта познания, подчинившись судьбе, стать вампиром (карнавальным «сверхчеловеком» Джойса) и, получив сверхъестественную силу, использовать ее лишь для собственного блага.

Таким образом, джойсовский антисциентизм в пародийном представлении человека – «сверхчеловеком» – переосмысливается Пелевиным в трансформацию человека в вампира как агрессивного властного кровососущего существа в обществе потребления, а функция науки сводится лишь к деконструкции реальности и возвращению ее к первоосновам.

Но деконструкция «объективной» реальности и антисциентизм способствуют лишь углублению кризиса единого субъекта познания, дробя его до бесконечности и собирая вновь. Свидетельства страсти к всеобщей множественности и сборности («желание всеобъемлющего образа отцовства», «“множественного” отцовства» [Ellmann 1972: 5]) мы находим даже в биографии ирландского писателя: «Джойс чувствовал несоответствие между своим генетическим происхождением от беспутного отца и ортодоксальной матери, хотя и любил их, и своим творческим происхождением от Ибсена, Флобера, Данте и Д’Аннунцио. Не отрекаясь от своих настоящих родителей, они со Стивеном души не чаяли в тайне множественного происхождения» [там же]. Поэтому в эпизоде «Цирцея» галлюцинации Блума «размножают» его сознание до бесконечности, материализуя каждое качество: Блум-ребенок: «узкоплечий юноша в голубом элегант-

ном оксфордском костюме...» (Джойс, 489); Блум-ловелас (при виде Молли): «Он дышит глубоко, возбужденно...» (Джойс, 490), по отношению к миссис Брин: « (...Пальцы его медленно скользят вдоль ее запястья...)» (Джойс, 494); Блум как представитель разных профессий: «дантист», «Член Клуба Молодых Офицеров Армии и флота», «Лорд-мэр Дублина» и др. вплоть до превращения в «Блумумию» (Джойс, 572). Расщепление сознания Блума – это один из первых этапов «новой антропологии» Джойса – антропологии универсализации и деперсонизации. Ведь для того, чтобы собрать нового человека, нужно дойти до основ прежнего, разложив его на «элементарные структуры» [Хоружий 2015: 179].

В романе Пелевина «Empire “V”» единый субъект познания также «размножен», как и у Джойса, только с поправкой на *weird*-философию. Вампир представляет собой симбиоз «языка» и его носителя-человека. «Язык» имеет свойство менять носителя: «... где жил язык до того, как поселиться в человеке... В этой огромной мышце...» (Пелевин 2021, 167), но при этом: «– Нельзя сказать, что язык жил в Великой Мыши. Он был ею» (Пелевин 2006, 168). Для вампиров «язык» – это вся «суть», «Это была как бы переносная флэш-карта с личностью...» (Пелевин 2021, 169). Здесь у Пелевина «язык» выступает как материализованный элемент вампирского сознания, как его «альтер-эго», как скрытое желание неограниченной власти (Ницше) и дающее ему эту власть над миром и людьми, что вполне соответствует тому, как понимается контингентность, непредсказуемость языка и языковых структур в *weird*-философии. Отказываясь от объяснения языка как просто системы оппозиций и инструмента манипуляций в постмодернистской философии, *weird*-философия, настаивающая на «конце человеческой исключительности», видит в языке особый тип фантома, непредсказуемый генератор смыслов, определяющий вторжение не-человеческого (в том числе вампирского) в человеческое. Поэтому вампиры создают новую реальность с «героически-насильственной» культурой, в которой им нужно «... дойное животное... человек» (Пелевин 2021, 170). У Пелевина «место» человека в современной реальности представлено сообразно учению *weird*-философии, в которой он больше не «вершина пирамиды» – в иерархии других живых существ позиция человеческого разума смещена с первого места. Вся человеческая культура в долгом историческом периоде доказала свою несостоятельность и непродуктивность, поэтому высшим разумом на земле становятся вампиры как итог «бесчеловечной» деятельности людей.

Но постоянное разложение единого субъекта познания трансформирует и окружающую его реальность, превращая ее в субъективно-множественную: «...людям лишь кажется, что они ходят по поверхности шара и глядят в бесконечное пространство, а в действительности они живут внутри полой сферы, и космос, который они видят, – просто оптическая иллюзия» (Пелевин 2021, 171–172). Реальность для вампиров и людей – лишь «отпечатки» их же собственных ощущений: «...мы живем не среди предметов, а среди ощущений, поставляемых нашими органами чувств» (Пелевин 2021, 172). Поэтому, человеческий ум – это «... зеркало внутри этого полого шара» (Пелевин 2021, 172). В постмодернистской философии Пелевина реальность не может быть представлена как нечто целое и описана с помощью общих теорий, претендующих на единственно верное знание о мире. Поэтому в романе «Empire “V”» вампиры не стремятся построить новый мир или усовершенствовать старый, их девизом становится установка: «Спешите жить. Ибо придет день, когда небо лопнет по швам...» (Пелевин 2021, 412), – вектор вампирской философии направлен на деконструкцию, но понятую уже в духе *weird*-философии, как вторжение некоей не-человеческой «ярости», непредсказуемого контингентного развития событий, не зависящих от человеческого опыта и сознания, представляющих собой что-то вроде сбоя в безличной компьютерной программе.

Такой «сбой» ставит под вопрос саму систему субъект-объектных отношений: «... ум “Б” является одним из объектов ума “А”. И те фантазмы, которые он производит, воспринимаются умом “А” в одном ряду с фотографиями внешнего мира» (Пелевин 2021, 173). Здесь у Пелевина на первый план выходит гиперреальность (гипертекст) как результат виртуальной симуляции «объективной» действительности. Поэтому если вся реальность – это текст, то познание его представляет собой бесконечное количество его интерпретаций «размноженным» сознанием субъекта научного познания, который в итоге и порождает субъективно-множественную реальность.

Но такая субъективно-множественная реальность у Пелевина не является устойчивой, как у многих постмодернистов, а становится подвержена все большей энтропии, одним из источников которой является роман «Улисс». Если в эпизоде «Цирцея» Джойсом был представлен «театр личности» (Блум), то в «Итаке» – уже «ее аналитическое разложение» (Блум и Стивен) (Джойс: комм. Хоружего, 1027). Про написание эпизода «Итака» сам Джойс утверждал: «...он производит “математико-астрономико-физико-

механико-геометрико-химическую сублимацию Блума и Стивена...» (Джойс: комм. Хоружего, 1030). Поэтому если понимать сублимацию как процесс преобразования «либидо» в социально-продуктивные результаты (З. Фрейд), то слияние и разложение Стивена и Блума не становятся первозначимыми, так как представляют собой универсальный (единый) субъект научного познания: «Какие два темперамента они индивидуально представляли? Научный. Художественный» (Джойс, 691). И хотя Стивену и Блуму, например, представляются разные сцены, навеянные общей беседой, то они все же происходят в одном и том же отеле «Куинз» (Джойс, 693). И на вопрос: «Отнес ли он эту омонимию за счет осведомленности, или совпадения, или интуиции?» (Джойс, 693). Ответ – «Совпадения...», но «...которые не были рассказаны, однако подразумевались существующими...» (Джойс, 693). Здесь представлено полное расщепление сознания единого субъекта научного познания, каждый элемент которого гипостазирован – поэтому окружающая действительность воспринимается обрывисто и мозаично, например, только через зрительные ощущения (у Стивена) или слуховые (у Блума), которые должны быть одновременными, но они «были квазиодновременные». Поэтому на вопрос: «Какое предложение сделал ноктамбулическому Стивену диамбулический Блум...?» (Джойс, 704) – получаем ответ о сомнамбулическом сознании «Стума» и «Бливена», для которого возможность познания «объективной» реальности тождественна возможности познания сна, т.е. априори невозможна. И обращение Блума к зеркалу с вопросом: «Какое сложное и асимметричное отражение в зеркале привлекло затем его внимание? Отражение одинокого (самосоотносительно) изменчивого (иносоотносительно) мужчины» (Джойс, 718) – представляет собой лишь результат когнитивной работы его мозга, способного производить замещения реальных людей на гипостазированные элементы своего собственного «Я», тем самым превращая единый субъект научного познания во множество редуцированных элементов.

В романе Пелевина «Empire “V”», как и ранее у Джойса, единый объект познания также разложен и гипостазирован, но исходя из учений weird-философии, где человеческое, звериное и монструозное – это контингентные моменты одной и той же энтропии, распада языка и расщепления сознания. Поэтому «комар» из стиха Митры превращается в человека, затем в вампира, а позже и в саму богиню Иштар («Комар» равен «князю мира сего»: «Комар... будь он человеком, он был бы – герой» (Пелевин 2021, 393)).

Если сама действительность романа «Empire “V”» – это гиперреальность (гипертекст), то гипостазированные части трансформируются и взаимопревращаются в симулякры, а возможность их познания сводится к их пониманию через другие тексты, которые интерпретируются через следующие, и так до бесконечности.

Однако мир бесконечных интерпретаций Пелевина имеет вектор крайней степени агрессивности у его обитателей (вампиров), и не только к человеку, но и к себе подобным. Гибель любого представителя кровососущего рода не вызывает ни капли сострадания у сородичей, а представляется как великое служение общему делу, поэтому смерть Митры остается практически незамеченной: «...Митра ушел навсегда, и это грустно. До самой последней секунды он ни о чем не догадывался» (Пелевин 2021, 405). Также ни о чем не догадывалась и Гера, никого не интересовало ее желание / нежелание перевоплощения в богиню Иштар, что в очередной раз утверждает в мысли агрессивно-потребительского поведения вампиров. Но в пелевинских парадигмах реальности наличие большой доли хаоса не отрицает четкой иерархической структуры власти, поэтому когда постоянно меняющемуся вампирскому миру понадобился новый бог (точнее, богиня Иштар), для ее перерождения все разрозненные гипостазированные элементы (расщепленный субъект научного познания) вновь собрались в единый субъект, ощущающий себя: «...носовой фигурой огромного корабля...» (Пелевин 2021, 404). Но это уже не субъект опыта, а субъект события, по отношению к которому любой опыт оказывается частным.

В итоге, если в конце эпизода «Итака» вновь собранный Блум получает имя «Всякий-и-никто» – универсальный деперсонализированный общечеловек, то истолкование облика Иштар у Пелевина представляет собой такой дискурс, который может быть интерпретирован только с помощью других дискурсов, в том числе и дискурса романа «Улисс». Поэтому джойсовский расщепленный субъект научного познания переосмысливается Пелевиным в такой субъект познания, который даже не может быть признан существующим, так как отрицание субъект-объектных отношений утверждает нас в мысли, что исследуемое явление не может быть исследовано никем, кроме субъекта познания, т.е. самого себя, таким образом становясь своеобразным мифическим «уроборосом» как репрезентацией бесконечно циклической природы жизни в бесконечно-множественной реальности. Этот субъект вполне отвечает представлению о множественности в современной weird-философии, множественно-

сти опыта как структурном условии утверждения какого-либо бытия.

Таким образом, Пелевин, переосмысляя джойсовскую эпистемологическую традицию в категориях, соответствующих weird-философии, создает новых персонажей, способы высказывания которых определяет фантомный генератор смыслов, поэтому в человеческие языковые структуры вторгаются не-человеческие (вампирические) паттерны, производя экспансию и интерференцию. Но даже всемогущие вампиры в романе Пелевина «Empire “V”» лишены возможности влияния на ход событий, всем управляет «судьба» (контингентность в weird-философии), а персонажи – симулякры в симулятивной реальности, где смерть любого – лишь механический сбой в компьютерной программе. Поэтому в субъективно-множественной реальности Пелевина разрушительная сила вампиров направлена на обеспечение возможности разрыва границ опыта и достижения трансгрессии (сродни джойсовской эпифании) как способа сделать невозможное возможным.

Список источников

Джойс Дж. Улисс / пер. с англ. В. Хинкиса и С. Хоружего. М.: АСТ, 2019. 1056 с.

Пелевин В. Священная книга оборотня. М.: Эксмо, 2004. URL: <https://www.furtails.pw/texts/1343> (дата обращения: 10.05.2022).

Пелевин В. Empire «V». СПб.: Азбука-Аттикус, 2021. 416 с.

Список литературы

Башляр Г. Рациональный материализм. Заключение. Познание обыденное и познание научное // Башляр Г. Избранное: Научный рационализм. Т. 1. М., СПб.: Университетская книга, 2000. 395 с.

Бергсон А. Опыт о непосредственных данных сознания. Материя и память // Бергсон А. Собрание сочинений: в 4 т. Т. 1. М.: Московский клуб, 1992. 325 с.

Витгенштейн Л. Философские работы: в 2 ч. / пер. с нем. М. С. Козловой, Ю. А. Асеева; вступ. ст. М. С. Козловой. М.: Гнозис, 1994. 206 с.

Гуссерль Э. Идеи к чистой феноменологии и феноменологической философии / пер. с нем. А. В. Михайлова, вступ. ст. В. А. Куренного. Т. 1. М.: Дом интеллектуальной книги, 1999. 336 с.

Денисов С. Ф. Антисциентизм: конфликтность и негативность. Омск: Изд-во ОмГПУ, 2013. 318 с.

Духан И. Искусство длительности: философия Анри Бергсона и художественный эксперимент // Логос. 2009. № 3(71). С. 185–202.

Кассирер Э. Жизнь и учение Канта. СПб.: Университетская книга, 1977. 447 с.

Курицын В. Русский литературный постмодернизм. М.: ОГИ, 2000. 288 с.

Кьеркегор С. Заключительное ненаучное послесловие к «Философским крохам» / пер. с дат. яз. Н. Исаевой, С. Исаева. СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2005. 680 с.

Лиотар Ж.-Ф. Состояние постмодерна / пер. с фр. Н. А. Шматко. М.: Ин-т экспериментальной социологии; СПб.: Алетейя, 1998. 160 с.

Липовецкий М. Н. Постмодернизм в русской литературе: агрессия симулякров и саморегуляция хаоса // Человек: Образ и сущность. Гуманитарные аспекты. 2006. № 1(17). С. 52–82.

Липовецкий М. Н. Русский постмодернизм (Очерки исторической поэтики). Екатеринбург: Изд-во Урал. гос. пед. ун-та, 1997. 317 с.

Ницше Ф. Воля к власти. Опыт переоценки всех ценностей / пер. с нем. Е. Герцык и др. М.: Культурная Революция, 2005. 880 с.

Пастернак Б. Л. Поль-Мари Верлен // Зарубежная поэзия в переводах Б. Л. Пастернака: сб. / сост. Е. Б. Пастернак, Е. К. Нестерова. М.: Радуга, 1990. 639 с.

Уваров М. С. Смерть смерти: постмодернистский проект // Перспективы метафизики. Классическая и неклассическая метафизика на рубеже веков: материалы междунар. конф. (Санкт-Петербург, 28–29 сентября 1997 г.). СПб.: Изд-во Ин-та человека РАН, 1997. С. 21–27.

Харман Г. Weird-реализм: Лавкрафт и философия / пер. с англ. Г. Коломийца и П. Хановой. Пермь: Гиле Пресс, 2020. 258 с.

Хоружий С. «Улисс» в русском зеркале. СПб.: Азбука-Аттикус, 2015. 384 с.

Эко У. «Поэтики Джойса»: II Улисс. URL: <http://www.james-joyce.ru/articles/umberto-eco-potiki-joyca6.htm> (дата обращения: 20.05.2022).

Cisco M. Weird Fiction. A Genre Study. USA, NY, Bronx.: CUNY Hostos Community College, 2021. URL: <http://library.lol/main/79198992EF2BD4459B521A72661F5F3B> (дата обращения: 11.05.2022).

Ellmann R. Ulysses on the Liffey. Oxford University Press, 1972. 213 p.

Fell J. Heidegger and Sartre: an Essay on Being and Place. N. Y.: Columbia University Press, 1979. 518 p.

Noys B., Murphy T. S. Introduction: Old and New Weird // Genre. 2016. № 49(2). P. 117–134.

Vergara J. All Future Plunges to the Past: James Joyce in Russian Literature (NIU Series in Slavic, East European, and Eurasian Studies). Ithaca (N. Y.): Cornell University Press, 2021. 270 p.

References

- Bashlyar G. Ratsional'nyy materializm. Zaklyuchenie. Poznanie obydennoe i poznanie nauchnoe [Rational materialism. Conclusion. Everyday knowledge and scientific knowledge]. Bashlyar G. *Izbrannoe: Nauchnyy ratsionalizm* [Bashlyar G. Selected Works: Scientific Rationalism]. Moscow, St. Petersburg, Universitetskaya kniga Publ., 2000, vol. 1. 395 p. (In Russ.)
- Bergson A. Opyt o neposredstvennykh dannykh soznaniya. Materiya i pamyat' [An essay on the immediate data of consciousness. Matter and memory]. Bergson A. *Sobranie sochineniy: v 4 t.* [Collection of Works: in 4 vols.]. Moscow, Moskovskiy klub Publ., 1992, vol. 1. 325 p. (In Russ.)
- Wittgenstein L. *Filosofskie raboty: v 2 ch.* [Philosophical Investigations: in 2 pts.]. Transl. from Germ. by M. S. Kozlova, Yu. A. Aseev, introd. by M. S. Kozlova. Moscow, Gnozis Publ., 1994. 206 p. (In Russ.)
- Husserl E. *Idei k chistoy fenomenologii i fenomenologicheskoy filosofii* [Ideas Pertaining to a Pure Phenomenology and to a Phenomenological Philosophy]. Transl. from Germ. by A. V. Mikhaylov, introd. by V. A. Kurennoy. Moscow, Dom intellektual'noy knigi Publ., 1999, vol. 1. 336 p. (In Russ.)
- Denisov S. F. *Antitsientizm: konfliktnost' i negativnost': monografiya* [Anti-Scientism: Conflict and Negativity: monograph]. Omsk, Omsk State Pedagogical University Press, 2013. 318 p. (In Russ.)
- Dukhan I. Iskustvo dlitel'nosti: filosofiya Anri Bergsona i khudozhestvennyy eksperiment [The art of duration: The philosophy of Henri Bergson and art experiment]. *Logos*, 2009, issue 3 (71), pp. 185–202. (In Russ.)
- Cassirer E. *Zhizn' i uchenie Kanta* [Kant's Life and Thought]. St. Petersburg, Universitetskaya kniga Publ., 1977. 447 p. (In Russ.)
- Kuritsyn V. *Russkiy literaturnyy postmodernizm* [Russian Literary Postmodernism]. Moscow, OGI Publ., 2000. 288 p. (In Russ.)
- Kierkegaard S. *Zaklyuchitel'noe nenauchnoe posleslovie k 'Filosofskim krokhkam'* [Concluding Unscientific Postscript to the Philosophical Fragments]. Transl. from Dan. by N. Isaeva, S. Isaev. St. Petersburg, Saint Petersburg University Press, 2005. 680 p. (In Russ.)
- Lyotard J.-F. *Sostoyanie postmoderna* [The Postmodern Condition]. Transl. from Fr. by N. A. Shmatko. Moscow, Institute of Experimental Sociology Publ., St. Petersburg, Aleteyya Publ., 1998. 160 p. (In Russ.)
- Lipovetskiy M. N. Postmodernizm v russkoy literature: agressiya simulyakrov i samoregulyatsiya khaosa [Postmodernism in Russian literature: Aggression of simulacra and autoregulation of chaos]. *Chelovek: Obraz i sushchnost'. Gumanitarnye aspekty* [Human Being: Image and Essence. Humanitarian Aspects], 2006, issue 1(17), pp. 52–82. (In Russ.)
- Lipovetskiy M. N. *Russkiy postmodernizm (Ocherki istoricheskoy poetiki)* [Russian Postmodernism (Essays on Historical Poetics)]. Yekaterinburg, Ural State Pedagogical University Press, 1997. 317 p. (In Russ.)
- Nietzsche F. *Volya k vlasti. Opyt pereotsenki vsekh tsennostey* [The Will to Power. Experience the Revaluation of All Values]. Transl. from Germ. by E. Gertsyk et al. Moscow, Kul'turnaya Revolyutsiya Publ., 2005. 880 p. (In Russ.)
- Pasternak B. L. *Pol'-Mari Verlen* [Paul-Marie Verlaine]. *Zarubezhnaya poeziya v perevodakh B. L. Pasternaka: Sbornik* [Foreign Poetry in B. L. Pasternak's Translation]. Comp. by E. B. Pasternak, E. K. Nesterova. Moscow, Raduga Publ., 1990. 639 p. (In Russ.)
- Uvarov M. S. Smert' smerti: postmodernistskiy proekt [The death of death: a postmodern project]. *Perspektivy metafiziki. Klassicheskaya i neklassicheskaya metafizika na rubezhe vekov: materialy mezhdunarodnoy konferentsii (Sankt-Peterburg, 28–29 sentyabrya 1997 g.)* [Prospects of Metaphysics. Classical and Non-Classical Metaphysics at the Turn of the Centuries: Proceedings of the International conference (St. Petersburg, September 28–29, 1997)]. St. Petersburg, Human Institute of the Russian Academy of Sciences Publ., 1997, pp. 21–27. (In Russ.)
- Harman G. *Weird-realizm: Lavkraft i filosofiya* [Weird-Realism: Lovecraft and Philosophy]. Transl. from Eng. by G. Kolomiets and P. Khanova. Perm, Gile Press, 2020. 258 p. (In Russ.)
- Khoruzhiy S. *'Uliss' v russkom zerkale* ['Ulysses' in the Russian Mirror]. St. Petersburg, Azbuka-Attikus Publ., 2015. 384 p. (In Russ.)
- Eco U. *Poetiki Dzhoysa: II Uliss* [The Poetics of Joyce: II 'Ulysses']. Available at: <http://www.james-joyce.ru/articles/umberto-eco-poetiki-joyca6.htm> (accessed 20 May 2022). (In Russ.)
- Cisco M. *Weird Fiction. A Genre Study*. USA, NY, Bronx, CUNY Hostos Community College, 2021. Available at: <http://library.lol/main/79198992EF2BD4459B521A72661F5F3B> (accessed 11 May 2022). (In Eng.)
- Ellmann R. *Ulysses on the Liffey*. Oxford University Press, 1972. 213 p. (In Eng.)
- Fell J. *Heidegger and Sartre: An Essay on Being and Place*. N. Y., Columbia University Press, 1979. 518 p. (In Eng.)
- Noys B., Murphy T. S. Introduction: Old and New Weird. *Genre*, 2016, issue 49 (2), pp. 117–134. (In Eng.)
- Vergara J. *All Future Plunges to the Past: James Joyce in Russian Literature (NIU Series in Slavic, East European, and Eurasian Studies)*. Ithaca (N. Y.), Cornell University Press, 2021. 270 p. (In Eng.)

The Joyce's Tradition of V. Pelevin's Novel «Empire 'V'»: from Anti-scientism to the Invention of a New Character

Julia N. Myslina

Postgraduate Student in the Department of Russian and Foreign Philology

Vladimir State University named after Alexander and Nikolay Stoletovs

87, Gor'kogo st., Vladimir, 600000, Russian Federation. yulia_mislina@mail.ru

SPIN-code: 2275-9948

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-5561-1859>

ResearcherID: GLN-4533-2022

Submitted 14 Jun 2022

Revised 10 Oct 2022

Revised 03 Nov 2022

For citation

Myslina Ju. N. Dzhoysovskaya traditsiya romana V. Pelevina «Empire "V"»: ot antistsientizma k izobreteniyu novogo personazha [The Joyce's Tradition of V. Pelevin's Novel «Empire 'V'»: from Anti-Scientism to the Invention of a New Character]. *Vestnik Permskogo universiteta. Rossiyskaya i zarubezhnaya filologiya* [Perm University Herald. Russian and Foreign Philology], 2022, vol. 14, issue 4, pp. 94–105. doi 10.17072/2073-6681-2022-4-94-105 (In Russ.)

Abstract. The article examines how Joyce's detached attitude to progress in the novel *Ulysses* transforms into the parody-comic anti-scientism of Victor Pelevin's novel *Empire 'V'*. The Russian author not only refuses to recognize positive ontology as of scientific mood but also reduces its mission only to the destruction of reality and return to the basic intuition. The paper proves that Joyce's methods of splitting the consciousness of the one acquiring scientific knowledge (cognizer) are rethought by Pelevin as the cognizer's consciousness multiplied to infinity, which produces a subjective multiple reality, turning into a hypertext. Therefore, Pelevin turns Joyce's hypostatized elements into independent agents, being characters of a new type. These characters are faced with the question of their real / possible existence in a subjective multiple reality. Thus, these new characters are interpreted within the framework of the subject-object antinomy, as fiction proceeds from subject-object relations. The paper aims to determine the influence of the Joycean principle of splitting subjective consciousness in *Ulysses* on the creation by V. Pelevin of characters and ways of expressing the new type in *Empire 'V'*. The subject of study is the features of the invention of the new-type characters as a tool for organizing fictional decisions in Pelevin's novel *Empire 'V'*. The paper is the first study to prove that the artistic method showing the split consciousness in the heroes of the Pelevin's novel directly develops Joyce's epistemological tradition of the cognizer's crisis, but in the era of weird-philosophy. The main research techniques employed: comparative method, historical and cultural contextualization, discourse analysis.

Key words: J. A. A. Joyce; V. Pelevin; cognizer; anti-scientism; subjective multiple reality; hypostatized elements; hypertext.